

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВЫХ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПРИЗНАКАХ КОНЦЕПТА В ЯЗЫКЕ

М.Н.Федулова

ФГОУ ВПО «Военный университет»; 123001, г. Москва, ул. Б.Садовая, д.14; факультет иностранных языков, кафедра английского языка (второго).

Существование ряда понятий и терминов, смежных с термином «концепт», не позволяет учёным прийти к его чёткому определению. Автор подчёркивает, что процессы концептуализации, основываясь на типах метафорического осмысления и на ассоциациях, являются основой образования концепта. Проведённый в статье анализ различных подходов к определению структуры концепта показывает, что структура концепта состоит из множества различных компонентов, значительная часть которых является постоянной, а другая интерпретационной.

До настоящего времени лингвистическая разработка категории концепта ограничивалась, главным образом, рамками предметно-тематических критериев. При этом исследователи ориентировались и во многом до сих пор ориентируются на построение непротиворечивой логики концепта в пространстве языкового дискурса.

Автор статьи утверждает, что формирование понятий и представлений о пространстве, времени, жизни основаны на процессах концептуализации и отражаются в языке, в концептах. Концептуальное знание достигается дискурсивно, в процессе речевой деятельности – как в понятийной сфере сознания, так и через образы, символы, переживания, различные эмоциональные состояния. Оценка того или иного явления, возникшего в определённой ситуации, является началом возникновения концепта. Автор утверждает, что концепт трансситуативен, он имеет когнитивный статус, так как в его познании активную роль играет мышление.

Определённый интерес может представлять вывод автора о том, что неприемлемо в научных построениях смешение этого важного философско-логического и лингвистического понятия с понятием «слово». Слово вместе с присущим ему значением представляет собой предметную сторону концептуализации, то есть концептуализируемое, и ни в коем случае не может само, как таковое, считаться концептом. При всём при том процессы концептуализации в языке можно представлять и описывать двояко: как семасиологически, так и ономазиологически.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, компоненты концепта, потенциализация концепта, понятие, смысл, образ, ассоциация, фрейм, метафора.

В современной когнитивной лингвистике изучение и понимание смыслов невозможно без учёта ситуации общения, ментальности участников коммуникативного акта и временной эпохи. А.А. Потебня говорил, что «знак важен для нас не сам по себе, а потому что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли. Означаемое есть нечто отдалённое, скрытое, труднопознаваемое сравнительно со знаком» [9, с.5]. Понимание мира невозможно без концептуализации обозначаемых в человеческом понимании объектов. Концептуальная составляющая – такая же часть объективной реальности, как и материальная, вещная сторона.

Разделение двух аспектов, концептуального и вещного, в реальности человеческого понимания вряд ли возможно. По крайней мере, трудно предполагать, что концепт есть нечто, совершенно произвольно приписываемое человеком объекту; предметная опора обязательна для всякого концепта; преодолевая противоречия хайдеггеровского решения об алетейе*, скажем, что точнее было бы говорить о взаимной *потенциализации абстрактного концепта* со стороны предмета и предмета – со стороны концептуальной абстракции. Нецелесообразно принимать какие-либо однозначные решения в отношении чистой объективности или субъективности концепта. Видимо, поэтому лингвистика уходит от строгого определения этого понятия. Самое отдалённое от реальности локализуется в области концепта.

Концепт часто отождествляется с термином «понятие». Но и эти два термина имеют существенные различия. Реальная мысль, получающая вербальное воплощение, становится скорее концептом, а не понятием. Процесс мышления и осознания «означаемого» является сукцессивным, в котором протекают «те свернутые интеллектуально-оценочные процессы, которые сначала извлекают, а затем соотносят значения и смыслы употребляемых и воспринимаемых слов. Указанное свойство... требует обоснования на опыте анализа более сложной, чем слово... единицы, демонстрирующей всевозможные переходы, зазоры и совпадения содержания» [12, с. 485]. С этих позиций термин «понятие» можно трактовать как более узкую категорию. Понимание концепта достигается через ряд понятий, выявляемых в процессе речевой деятельности, то есть дискурсивно, а также и не дискурсивно – через образы, символы, переживания, различные эмоциональные состояния. Оценка того или иного явления, возникшего в определённой ситуации, является началом возникновения концепта.

Таким образом, концепт *трансситуативен*, он имеет когнитивный статус, так как в его познании активную роль играет мышление и,

поэтому его определение, в отличие от понятия, требует больше времени, знаний, специфики общения и знания культуры и многих других факторов. Оценивая какое-либо явление, мы пропускаем его через наши знания, опыт, сравнения, ассоциируем его с тем или иным уже известным нам явлением. Принято говорить об определённой структуре концепта. Так, Ю.С. Степанов, анализируя концепты «8 марта» и «23 февраля», приходит к выводу о том, что структура концепта «слоистая» и каждый слой является «осадком» культурной жизни разных эпох.

Наименее актуальный смысл неразрывно связан с «внутренней формой», он поднимает «со дна» ситуацию рождения слова, акт номинации объекта действительности, мысль и образ, рождённый называющим субъектом. В производных словах «внутренняя форма» логична и понятна, а в непроизводных словах она становится известной только в результате обращения к этимологическому словарю. Второй «слой» в значении концепта Ю.С. Степанов называет «историческим». Последним, наиболее активным и актуальным, является современный слой концепта. Все выделенные культурные наслоения в структуре концепта не существуют изолированно друг от друга, между ними устанавливается определённая преемственность, они могут представлять собой пример эволюции ментальных представлений носителей определённой культуры. Суть этой эволюционной теории различных слоёв концепта состоит в том, что значения слов меняются в зависимости от перехода имени с одного предмета (или действия) на другой предмет, *заменивший первый предмет в той же самой или сходной функции*.

Учёный утверждает особый характер отношений концептов к действительности: «Они описывают действительность, но действительность особого рода – ментальную. И уж во всяком случае они имеют, по крайней мере, одно очень твёрдое основание – буквальный смысл обычая, представления, верования, термина, слова. Это всякий раз – исходная точка и дальнейшего развития концепта в самой ментальной действительности, в действительно существующем коллективном сознании, и в развитии гипотезы исследователя, которую он строит по этому поводу» [12, с.47]. В качестве примера учёный приводит концепт имени «человек»:

1. Глубинный уровень образован этимологией данного слова, которое образовано сложением двух частей: от и.-е. *kel- означает «род, племя, клан» (сравним с русским *челядь*), и -вёкъ, «дитя», то есть «дитя рода, племени».

2. Второй слой восстанавливается на основе анализа наименований человека во многих языках, где они восходят к древнейшему концепту «земля» и рождают оппозицию «земной» – «небесный».

* Алетейя традиционно трактуется как самораскрытие смысла в понимании объекта.

В соответствии с основными слоями концепта учёный предлагает и методы исследования: этимологический, историко-этнологический, социологический. Первые два направлены на изучение и реконструкцию глубинных слоёв, существующих в современном состоянии культуры, в выявлении закономерностей развития духовной и материальной культуры и словаря, отражающего эту культуру. Другие учёные подходят к описанию структуры концепта несколько иначе. В.И. Карасик считает, что в данной единице сочетаются образно-перцептивный, информационно-понятийный и ценностно составляющий компоненты [4, с.7], замечая при этом, что последний компонент, оценивающий поведенческие нормы, есть не у всех единиц.

Три компонента также выделяет и С.Г. Воркачёв: понятийная составляющая (дефиниция), образная составляющая (когнитивная метафора), значимостная составляющая (внутренняя форма, этимология, грамматическая форма в структуре данного языка [2, с.8]. В других исследованиях выделяют более сложную структуру концепта, состоящую из четырёх компонентов. Например, М.И. Никитин вычленяет в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал [8, с. 59–60]. Г. Слышкин моделирует не структуру, а определённое семантическое, или смысловое, поле, в котором вычленяются четыре зоны: две основные – интразона и экстразона, две дополнительные – квазизона и квазиэкстразона. Ядерная область такого поля – это интразона, которую составляют дифференциальные признаки, которые в структуре лексического значения составляют область денотата, экстразону образуют признаки, составляющие одновременно экстразоны родственных, близких в данной когнитивной области понятий. «Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов» [10, с. 65–66].

Уже данный небольшой анализ нескольких работ показывает, что в большинстве случаев учёные выделяют определённую информационно-понятийную часть, которой противопоставлена ассоциативно-образная. Можно предположить, что последняя, в свою очередь, представляет собой сложное образование, основывающееся не только на представлениях, но и на интерпретации. Образный компонент концепта имеет в своей основе чувственное представление, поэтому он особым образом кодирует эту информационную единицу, превращая её в компонент универсального предметного кода.

Чувственный образ, который некоторые называют прототипом, прототипической единицей, связывая это понятие с гештальтом, обнаруживается и в лексическом значении, и в механизмах словообразования, и в механизмах номинации. «Прототипы, – пишет Д. Лакофф, – это наиболее чёткие, яркие образы, способные

представить класс концептов в целом (например, для класса *птицы* – это воробей). На основе важнейших признаков прототипа человек производит классификационную (таксономическую) деятельность, выполняет категоризацию знаний» [6, с. 54–56]. Так, для многих прототипом слова *фрукт* является образ яблока, прототипом слова *экзамен* – обобщённая картина беседы преподавателя со студентом за столом, прототипом слова *музыка* – образ нотного листа. В обращении к чувственному образу мы видим необходимость предметной потенциализации концепта (то есть общего представления всей совокупности предметов, через которые может реализовать себя концепт).

Образ может основываться как на перцепции, так и на когнитивных процессах. Перцептивный образ основывается на зрительных, звуковых, обонятельных, тактильных и вкусовых ощущениях. Когнитивная составляющая является результатом активных познавательных процессов, основанных на операциях сравнения, сопоставления. Когнитивный образ тесно связан с материальным миром, наполняется благодаря этой связи чувственным содержанием, которое со временем закрепляется в универсальном предметном коде мышления.

Существуют различные представления о структуре когнитивного образа. Так, например, с точки зрения теории номинации и когнитивных исследований метафоры, образная и оценочная составляющая концепта представляет собой определённый способ мышления, когда для означивания новых категорий используется уже готовый знак, который основывается на прежде добытом знании для получения знания нового. Известный учёный и специалист в области семиотики культуры У. Эко посвятил исследованию процессов формирования концептов и отношений между ними целую главу своей монографии «Семиотика и философия языка» [13]. В ней он довольно саркастически отметил, что со времён Аристотеля о тропах, представляющих собой основные когнитивные модели, были написаны тысячи страниц и при этом наши знания о нём не продвинулись ни на йоту, возможно, в силу того, что содержательное наполнение концепта довольно изменчиво и нестабильно. В этой же главе У. Эко формулирует принципы исследования и описания, которые в большинстве своём реализуются в современных когнитивных исследованиях этого феномена языка и речи. Таким образом, формируется представление о когнитивных моделях как определённом способе умозаключения, когда из определённого более или менее размытого понятия формируется новое понятие на основе добавления к конкретному понятийному ядру некоторого набора ассоциаций.

В основе образования концепта лежат процессы концептуализации, которые опираются на основные типы метафорического осмысления и на ассоциации, возникающие из опыта не только

познавательной, но и предметной деятельности. Неудивительно, что в изучении концептуализации важную роль сыграли и психологи, и психолингвисты, и антропологи. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на тот факт, что наиболее фундаментальные ценности любой национальной культуры обязательно представлены в метафорической базе языка, которая довольно адекватно отражает основные представления и сценарии [6].

Лингвистическая сторона формирования концепта выражается прежде всего в процессах возникновения новых языковых значений (теория номинации), в объяснении и толковании истоков возникновения экспрессивности и оценочности высказываний в целом. В последнее время перцептивная и когнитивная составляющие концепта понимаются как ключевые факторы формирования языковой картины мира, возникающей в результате ментального манипулирования уже имеющимися в языке смыслами для создания новых концептов, стереотипов и сценариев. Ещё в античности учёные отметили, что метафорическое переосмысление объектов реального мира возникает в силу глубинных особенностей мышления человека, которое отражает постоянно меняющуюся картину мира. Обратной стороной процесса служит явление деметафоризации в языке. В языке не только постоянно возникают новые образные формы, облегчающие восприятие абстрактных понятий, но и происходит утрата образных форм, стирается «внутренняя форма» переноса, номинация объекта превращается в стандартную, немотивированную, безобразную. В.Г. Так характеризует причины возникновения и природу процессов формирования концептов следующим образом: «В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума. Это необходимо для самого постижения действительности... Неслучайно метафора не только широко представлена в обыденной человеческой речи, но лежит в основе фундаментальных понятий многих отраслей науки. Отмечалось, что такие понятия, как «становление», «рост», «развитие», «вырождение» и т.п., представляют собой группу метафор, основывающихся на модели живого организма... Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Благодаря метафоре язык представляет систему в постоянном преобразовании» [3, с. 13].

Описанные процессы формируют особое интерпретационное поле концепта, включающее характерные когнитивные признаки, создающие предпосылки для трансформации основного информационного содержания. В этом поле отчётливо выделяются несколько зон – таких участков интерпретационного поля, которые обладают определённым внутренним содержанием единством и объединяют близкие по содержанию когнитивные признаки. З.Д. Попов

и И.А. Стернин выделяют следующие шесть когнитивных зон в содержательной структуре концепта:

1) аксиологическая (объединяет единицы, включающие оценки различного рода, общую, эстетическую, эмоциональную, интеллектуальную, нравственную);

2) энциклопедическая (является суммой когнитивных признаков концепта);

3) утилитарная (включает перцептивные признаки, связанные с возможностью использования концепта);

4) регулятивная (объединяет признаки, определяющие объекты и ситуации с позиций модальных оценок – надо/ следует);

5) социально-культурная (является суммой когнитивных признаков, отражающих культуру народа – традиции, обычаи, историю);

6) паремиологическая (включает когнитивные признаки, выраженные в пословицах, поговорках, афоризмах) [9, с.78–80].

Разумеется, все зоны представлены в каждом концепте неравномерно. Рассмотрим в качестве примера несколько концептов. «Гроза» – аксиологическая зона данного концепта невелика и довольно сложна, вытекает в основном из родственных связей слова, переносных значений и семантических связей – «грозный», «грозить», «угрозы» – общая и эмоциональная оценка здесь в основном негативная, «гром» – также негативная оценка, вызываемая чувством опасности; энциклопедическая зона основывается на общих знаниях о грозе как природном явлении, эта зона тесно связана с утилитарной, основывается на чувстве опасности явления, с одной стороны, и понимания полезности для окружающего мира и растений – с другой. Регулятивная зона концепта «гроза» совершенно невелика, она реализуется в представлениях о том, что от грозы следует особым образом защищаться (прятаться в доме, а не под высоким деревом, ставить громоотводы), зато социально-культурная значительна: *Иван Грозный, драма А.Островского «Гроза», «Люблю грозу в начале мая...»*, она связана и паремиологической зоной, так как последняя есть результат отражения энциклопедических признаков концепта в базе прецедентных текстов русской культуры: *миновала гроза – засохла слеза, пока грозит гроза – в глазу дрожит слеза*. Именно анализ последних показывает нам, что ключевыми для данного концепта национальной картины мира признаками являются представления об опасности и неизбежности грозы, о её временном, преходящем характере, а также о том, что окончание грозы символизирует начало чего-либо нового, связанного с реализацией надежд.

Все описанные зоны важны, но, как уже было сказано, реализуются неравномерно. У слов оценочного характера концепты весьма односторонни. Например, концепт «дурак», выделяемый некоторыми лингвистами (точнее, на наш взгляд, не смешивать категории слова

и концепта, что происходит в обозначениях типа «концепт «дурак», «концепт «гроза» и т.д., а говорить о концептуальной потенциализации слов «гроза», «дурак»), имеет довольно богатую аксиологическую зону, связанную с определённым комплексом оценок, как негативных, так как быть глупым плохо, а умным хорошо, так и весьма противоречивых эмоциональных, так как, называя кого-либо дураком, человек чаще всего выражает эмоции не по поводу объекта номинации, а по поводу какого-либо отдельного поступка [1]. Иными словами, говорящий не стремится констатировать глупость в качестве постоянного качества лица, а скорее выражает ситуативное неодобрение. Огромная палитра оценок данного объекта основывается на паремийной и социокультурной зонах данного концепта. Энциклопедическая зона данного концепта, как и регулятивная, невелика, они базируются на представлениях о том, что «быть дураком» не следует, это не всегда хорошо.

Аналізу данного концепта было посвящено много исследований, в частности и диссертация Е.В. Бусуриной [1]. В целом характеристике аксиологической, энциклопедической и регулятивной зон, основывающихся на социокультурных представлениях, можно представить следующим образом: «В традиционной русской культуре формируются три модели ментального представления образа «дурака», две из которых являются культурно обусловленными, а третья – бытовой:

1) мифологическая модель: «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем»: Иванушка-дурачок; данная модель связана с известным фольклорным образом «дурака» в русской волшебной сказке;

2) идейная модель: «дурак – обличитель пороков и социальных несправедливостей: шут, юродивый», эта модель сложилась в результате смыслового взаимодействия концепта «дурак» в русской языковой картине мира с феноменами юродства и социального института шутовства;

3) бытовая модель: «дурак – глупый человек».

Все три модели сопровождаются аксиологической оценочностью: первая и вторая – положительной, а третья – отрицательной. В этом проявляется антиномия положительных и отрицательных признаков, присущих концепту «дурак» в русской языковой картине мира. В основе всех трёх моделей лежит признак «отклонение от нормы», при этом бытовая модель раскрывает представление лингвокультурной общности о том, как «не должно быть» или каким не должен быть «нормальный» (разумный) человек, а мифологическая и идейная модели описывают идеальную норму, суть которой заключается в определении положительных моральных и нравственных качеств главным критерием оценки субъекта, в постановке их на вершину оценочно-человеческой шкалы» [1, с.11].

З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что паремиологическая зона является особой в

структуре концепта, «поскольку она отражает не современные, а преимущественно исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта. Паремии внутри зоны могут быть упорядочены по принципу поля с учётом частотности выражения того или иного смысла в паремиологическом фонде языка» [9, с. 89].

Таким образом, структура концепта весьма сложна, состоит из множества различных компонентов, значительная часть которых является постоянной, и другая часть – интерпретационной, изменяющейся в зависимости от ситуации, уровня компетенции носителя языка, степени его социализации. «Характерная черта интерпретационного поля – сосуществование в нём противоречащих друг другу когнитивных признаков (например, оценочная зона концепта *русский язык* включает оценки *хороший* (60 %) и *плохой* (40 %), утилитарная зона включает признаки *сложный* и *простой* и т.д. Подобная противоречивость выделяемых признаков объясняется, как уже указывалось выше, именно их принадлежностью к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков ядра, сделанные в разных условиях, в разные исторические периоды, разными группами носителей языка» [9, с.91].

Основные структурные компоненты содержания концепта – образные, информационное содержание и интерпретационное поле – распределяются, как уже говорилось, по разным полевым участкам концепта, при этом постоянная закреплённость структурных компонентов концепта за определёнными полями не наблюдается. Например, информационное содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к периферии, а точнее, к совершенно различным зонам периферии. Признаки интерпретационного поля в зависимости от силы образа могут войти в ядерную часть концепта и т.д., и лишь паремиологическая составляющая по преимуществу составляет крайнюю периферию содержания концепта. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется яркостью признака в сознании носителя языка, его актуальностью, следовательно, может носить и временный характер. Так, многие концепты идеологического характера меняют свою структуру в различные периоды времени.

Из сказанного выше следует, что описание структуры концепта может осуществляться как перечисление содержательных признаков от ядра к периферии, где центр обычно включает чувственные образы и информационное содержание, а периферию образуют историко-культурные компоненты, а также сетевые связи концепта с другими ментальными единицами.

Неприемлемо в научных построениях многих авторов по проблематике концепта и концептуализации, при тех или иных положительных

результатах их анализа, смешение этого важного философско-логического и лингвистического понятия с понятием «слово». Слово вместе с присущим ему значением представляет собой предметную сторону концептуализации, то есть концептуализируемое, и ни в коем случае не может само, как таковое, считаться концептом. При всём при этом процессы концептуализации в языке можно представлять и описывать двояко: как семасиологически, так и ономасиологически, то есть в одном случае от слова к концепту (концептуальная потенциализация предметного значения слова), в другом случае – от концепта к слову (что должно пониматься как предметная потенциализация концепта).

Как бы то ни было, в основе появления концептов лежит категоризация предмет-

ной сущности или явлений бытия человека, процесс метаязыкового абстрагирования. На заключительном этапе этого процесса может возникать языковая семантизация концепта, то есть образование абстрактного имени концепта. Новое имя становится символическим заместителем концепта. Таким образом, упрощается порядок оперирования концептом, концептуальными образами в речемыслительной деятельности человека. Процесс метаязыкового абстрагирования (без чётких семантических границ) переходит в процесс языкового семантического абстрагирования. Концептуализация превращает слово в символ. В абстрактном имени концепта определяется символическая функция языка.

Список литературы

1. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской национальной картине мира: Дис... канд.филол. наук. СПб, 2004. 209 с.
2. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИГДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте: сб.статей. М.: Наука, 1988. С.11-26.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 477 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997. 245 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
7. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 192 с.
9. Потебня А.А. Слово и предложение: Введение в теорию. М.: КРАСАНД, 2010. 128 с. (Лингвистическое наследие XIX века).
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.
11. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. М., 2001. 544 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 824.
13. Eco U. Semiotics and the Philosophy of language / U. Eco. Bloomington: Indiana U.P., 1984, 568 p.

Об авторе

Федулова Мария Николаевна – докторант Военного университета МО РФ, 123001 г. Москва, ул. Большая Садовая, д.14; Теория языка – 10.02.19; mfedulova@mail.ru.

IN REGARDS TO CONSTANT AND INTERPRETATIVE CRITERIA OF CONCEPT IN A LANGUAGE

Maria N. Fedulova

The department of English (as 2L), Faculty of foreign languages; Military University, Bolshaya-Sadovaya str., 14, Moscow, Russia, 123001.

Abstract: *The article is devoted to the research about the criteria for defining the “concept” in the modern linguistics. The existence of a number of concepts and terms doesn't allow the scientists to agree on its clear definition. The author points out that the base of concept emergence is founded on the processes of conceptualization, these processes are supported by the basic types of metaphorical judgment. In this article, the analysis of different approaches in order to define the structure of the concept indicates that the concept structure consists of a number of components, and for the most part*

they are permanent and the rest are interpretative. Until recently the linguistic development of "concept" was mainly limited by the framework of subject-thematic criteria. Along with this the scientists focused on and are still focusing on non-contradictory construction of concept logic in a language discourse.

The author of the article states that the forming of the notions and perceptions about space, time, life is based on the conceptualization processes and reflected in the language and concepts. The understanding of concept is being achieved through the number of notions revealed during the speaking process, i.e. discursively, as well as through images, symbols, expression of feelings, and different emotional states. The evaluation of different occurrences, emerged within a certain situation is considered the beginning of the concept emergence. Thus, the author is inclining, that the concept is transsituational; its status is cognitive because the thinking process plays an important role in the cognition of the concept. It is particularly interesting to note the author's conclusion that it is incorrect to mix this important philosophical and linguistic notion with the notion/definition of "word". 'Word' is an objective side of conceptualization and it can not be considered a 'concept'. With all that the processes of conceptualization in the language can be considered in two ways: semasiologically and onomosemasiologically.

Key words: concept, structure of the concept, the components of concept, the potentiality of the concept, notion/definition, idea, image, association, frame, metaphor.

References

1. Busurina E.V. Lingvokulturema 'durak' v russoj nacional'noj kartine mira: Diss. kand. filol. nauk [Linguistic cultural element in the word "fool" in the Russian national worldview. Dr. philol. sci. diss.] St. Petersburg, 2004. 209 p.
2. Vorkachev S.G. 2004, Schast'e kak lingvokulturnyj concept [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow, IGDGK "Gnozis", 192 p.
3. Gak, V.G. 1988, Metafora: universal'noe i specificheskoe [Metaphor: universal and specific], Metafora v jazyke i tekste [Metaphor in the language and text], Moscow, Nauka, s. 11–26.
4. Karasik, V.I. 2002, Yazykovi krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 477 p.
5. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]/ Pod obshei redakciej E.S. Kubryakovoj. [Under the edition of Kubryakovoj E.S.] Moscow, Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V.Lomonosova [Faculty of philology of Lomonosov Moscow State University], Moscow, 1997, 245 p.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. 1990, Metafory, kotorymi mi zhivem [Metaphors which help us to live] // Teoriya metafory [Theory of metaphor], Moscow, 1990. Pp. 387–415.
7. Nikitin M.V. 2004, Razvernutyje tezisy o konceptah [Derived notions of concepts] / Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of cognitive linguistics], no.1, pp. 53–64.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. 2001, Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: Izd-vo VGU. 192 p.
9. Potebnja A.A. 2010, Slovo i predlozhenie: vvedenie v teoriju [A word and sentence: introduction to the theory]. Moscow, KRASAND. s.128. (Lingvisticheskoe nasledie XIX veka [Linguistic inheritance of the 20-th century]).
10. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty. Avtoref. diss. doct. filol. nauk [Linguocultural concepts and metaconcepts. Abstract of Dr. philology sci. diss.]. Volgograd, 2004. 39 p.
11. Starovoitenko E.B. 2001, Sovremennaja psihologija [Modern psychology]. Moscow, 544 p.
12. Stepanov U.S. 1997, Konstanty: slovar' russoj kul'tury. Opyt issledovanija. [Constants: dictionary of Russian culture. The experience of research], Shkola "Jazyki russoj kul'tury" [School "The languages of Russian culture"]. Moscow, s. 40–76.
13. Eko U. 1984, Semiotika i istorija jazyka [Semiotics and philosophy of language], Indiana University Press, 568 p.

About the author

Maria N. Fedulova – Candidate to Doctor of Philology, Military University, 14, Bolshaya-Sadovaya str., Moscow, Russia, 123001; Theory of language – 10.02.19; mfedulova@mail.ru.